

Глава 8

Ты станешь бессмертным, а я не останусь в мире смертных, чтобы ждать тебя (часть восьмая)

Цзинь Яо сжимал в пальцах амулет безопасности, думая о том, каким же глупцом был тот юноша. Бумага для талисмана была самого низкого качества, а этот дурак отдал за неё жалованье за полмесяца.

Но стоило ему закрыть глаза, как перед ним снова возникал его образ: лицо, перепачканное сажей, и сияющие глаза-персики. Он протягивал ему амулет так, будто это величайшее сокровище, а затем бережно крепил на его пояс.

Его глаза разительно отличались от глаз других людей. Их называли персиковыми, и они действительно походили на нежные лепестки: вытянутые, с изящно приподнятыми уголками, словно перья феникса, и подчёркнутые природной киноварью, что придавало его взгляду томную и соблазнительную красоту. Однако, в отличие от большинства персиковых глаз, они не были узкими, а, наоборот, походили на большие и круглые абрикосовые орехи. Янтарные зрачки, чистые и ясные, светились невинностью и простодушием.

Стоило ему обрадоваться, как он тут же широко распахивал глаза, становясь похожим на котёнка — совсем как в тот день, когда он повязал ему на пояс амулет. В янтарных омутах его глаз плясали звёзды, а на щеках расцветали две ямочки.

Он помнил, как ткань на его поясе натянулась, когда тот крепил амулет. Сквозь одежду Цзинь Яо ощущал тепло его пальцев. Помнил, как юноша прижался к его груди, и его дыхание, сладкое и горячее, коснулось кожи.

Когда он впервые встретил юношу, его руки были белоснежными и нежными, а синеватые вены под кожей походили на прожилки в драгоценном нефрите. Ногти — аккуратно острижены, а кончики пальцев — розоватые... Руки человека, не знавшего забот.

Но когда он крепил этот амулет, его ладони, всё ещё белые и изящные, уже не были такими нежными. Они исхудали настолько, что вены вздулись, кожа покрылась цыпками от холода, а ногти потрескались.

При этой мысли золотые глаза Цзинь Яо потемнели.

Когда в зал вошёл слуга с докладом, он с удивлением осознал, что просидел, уставившись на амулет, больше часа.

Лицо его помрачнело. Он зажал амулет между двумя пальцами, намереваясь сжечь эту бесполезную, лишённую всякой духовной силы бумажку.

Однако он так и не смог заставить себя призвать божественное пламя и с досадой сунул амулет обратно за пояс.

— Ваше Превосходительство, Владыка Янь Цан приглашает вас завтра на гору Цюншань, — почтительно доложил слуга.

Янь Цан был одним из немногих божеств в Царстве богов, которым Цзинь Яо оказывал толику уважения.

Янь Цан, лазурный дракон, нашёл Цзинь Яо, рождённого небом и землёй, ещё детёнышем. Позже он взял его под своё крыло и обучал искусству совершенствования, став для него первым наставником.

Впрочем, официального обряда посвящения в ученики не было. Драконы не придавали значения формальным узам наставничества, да и Янь Цан поначалу учил Цзинь Яо лишь из прихоти.

Янь Цан считался нынешним главой драконьего рода — в основном потому, что Цзинь Яо не утруждал себя подобными делами. Теперь, когда война в Царстве демонов подошла к концу, Янь Цан устраивал этот пир, чтобы отпраздновать победу и умиротворить сердца.

Раньше Цзинь Яо, скорее всего, отказался бы.

Янь Цан и сам отправил приглашение лишь из вежливости.

Но на этот раз Цзинь Яо опустил взгляд и, немного подумав, произнёс:

— Передай ему, что завтра я прибуду вовремя.

Слуга, уже готовый передать отказ, замер на мгновение, а затем торопливо поклонился:

— Слушаюсь.

***

На пиры драконов обычно собирались божества, предпочитавшие свою нечеловеческую форму.

Причина была проста: празднества драконов... отличались весьма вольным нравом.

На пирах всегда хватало откровенных зрелищ, вроде соблазнительных и страстных танцовщиц. Но была и другая особенность: прибывающие драконы и прочие гости приводили с собой своих

любимых «фаворитов» — «любовь» эта, как правило, была недолговечной, и на каждом новом пиру появлялись новые лица. Драконы обожали хвастаться своими любимцами, а когда приходили в особое расположение духа, то и обменивались ими.

Всё это походило на пиры в мирах демонов, на которых Цзинь Яо бывал в юности. Драконы по своей природе были капризны и не всегда следовали «праведному пути». Раньше на такие собрания приглашали и великих демонов, и древних дьяволов, и их соблазнительных спутниц. Но на этот раз пир был устроен в честь победы над Царством демонов, поэтому приглашать их было неуместно.

Когда Цзинь Яо прибыл, почти все гости уже были в сборе.

Доброе вино, прекрасные девы — картина распутства и разврата, дополненная звуками кокетливого смеха и нежных вздохов танцовщиц.

Но стоило Цзинь Яо войти в зал, как шум мгновенно стих. Те, кто был увлечён беседой или флиртом, подняли головы, увидели его и тут же умолкли.

Даже танцовщицы замерли на полудвижении.

В Царстве богов Цзинь Яо был не просто могущественным владыкой, занимавшим особое положение, — он был печально известен как убийца богов.

Конечно, этот титул боги присвоили ему лишь в своих тайных мыслях. Не то что обсуждать это с кем-то — даже подумать об этом было страшно.

Увидев Цзинь Яо, Янь Цан почувствовал, как по спине пробежал холодок, хотя он и знал, что тот придёт. Атмосфера в зале стала гнетущей.

Он не мог понять, зачем вчера из вежливости послал ему приглашение.

Но теперь ему ничего не оставалось, кроме как, собравшись с духом, с натянутой улыбкой обратиться к Цзинь Яо:

— Цзинь Яо, рад тебя видеть. Мы многим тебе обязаны за помощь в подавлении хаоса в Царстве демонов.

— Мой долг, — ровным тоном ответил Цзинь Яо и, проследовав к своему месту, с шелестом одежд опустился на циновку.

Затем он поднял глаза на затихших гостей.

— Не обращайтесь на меня внимания, продолжайте, — сказал он.

Гости переглянулись, выдавив из себя подобие улыбок.

Из зала донеслись редкие, натянутые смешки и обрывки фраз. Любой мог услышать в них сухость и принуждение.

— Мне повторить? — Цзинь Яо поднял кубок с вином, его голос был холоден, как вода в горном ручье.

Все замерли, поняв, что убийца богов предъявил им ультиматум. И,неважно, как сильно они боялись, каждый, стиснув зубы, вернулся к тому, чем занимался до прихода Цзинь Яо.

Танцовщицы, поклонившись, возобновили свой танец.

Если они позже неосторожным словом или жестом навлекут на себя гнев Цзинь Яо и погибнут — что ж, это будет потом. Но если они не подчинятся ему сейчас, беда настигнет их немедленно.

Пир вернулся к своему прежнему веселью, но теперь каждый гость был напряжён как струна.

Место Цзинь Яо было рядом с Янь Цаном, и тот, видя, во что превратился его с таким трудом организованный праздник, не мог сдержать подёргивания века.

«И зачем я только вчера его пригласил?!»

В этот момент Цзинь Яо перевёл взгляд на Янь Цана.

Увидев, что Цзинь Яо неотрывно смотрит на него, Янь Цан почувствовал, как внутри всё похолодело.

«Неужели этот юнец решил и меня прикончить?»

Но мгновение спустя Янь Цан понял, что что-то не так. Цзинь Яо смотрел не на него, а на... его фаворита, что сидел у него на коленях.

Это был новый любимец Янь Цана, юноша из рода небесных лисов, а не из мира демонов.

Он был ослепительно красив, но в то же время обладал юношеским очарованием. А главное, будучи лисом, он был превосходен в постели, чем очень радовал Янь Цана.

Однако драконы редко отличались верностью. Увидев, как Цзинь Яо смотрит на его нового фаворита, Янь Цан удивлённо приподнял бровь.

— Ты пришёл и тут же уставился на моего любимца. Неужели наконец-то прозрел? — насмешливо спросил он.

Цзинь Яо перевёл на него взгляд, но ничего не ответил.

Янь Цан решил, что всё понял, и, отстранив от себя юношу-лиса, сказал:

— Ступай к Владыке Цзинь Яо и служи ему как следует.

Юноша-лис сначала оробел, но потом вспомнил, что у Владыки Цзинь Яо за тысячи лет в Царстве богов не было ни одной любовной связи. Он вёл себя так, будто следовал пути бесстрастия, а не был драконом. И вот теперь он проявил к нему интерес. Может быть...

Сердце его затрепетало от радостного предвкушения, но робость всё ещё не отпускала.

Он поднялся и, осторожно подойдя к Цзинь Яо, опустился на колени у его ног, подняв на него свои персиковые глаза.

Когда юноша-лис опустился к его коленям, Цзинь Яо инстинктивно сжал губы, чувствуя отторжение. Но когда тот поднял на него взгляд, Цзинь Яо замер.

У большинства лисов были персиковые глаза, как и у того глупца.

Видя, что Цзинь Яо не отверг его сразу, юноша-лис почувствовал, как в его сердце затеплилась надежда.

Он несмело протянул руки, обвивая их вокруг шеи Цзинь Яо, и прижался лицом к его шее.

Цзинь Яо по-прежнему не двигался.

Под глазом юноши-лиса была красная родинка в форме слезы, что делало его взгляд ещё более соблазнительным.

«Не похож. Совсем не похож».

У того глупца тоже были персиковые глаза, но зрачки у него были большие. Когда он радовался или удивлялся, то широко распахивал их, становясь похожим на котёнка.

У него не было родинки-слезы, но на щеках были ямочки, которые так и хотелось потрогать. А если набраться смелости, то и укусить.

Чтобы проверить, действительно ли они, как молочные пирожные, — мягкие, нежные, тёплые и пахнущие молоком.

О чём думал Цзинь Яо, юноша-лис, конечно, не знал. Видя, что тот не сопротивляется, он осмелел и скользнул рукой под его одежды.

Его пальцы заиграли на широкой, рельефной груди.

«Не то. Совсем не то».

Он вспомнил их брачную ночь.

Тот маленький глупец так ждал её, но, беспокоясь о его здоровье, ни на что не решался. Набравшись смелости, он попросил лишь потрогать его. Цзинь Яо спросил, где именно, и в итоге тот, лишь коснувшись его живота, со стыдом спрятался под одеялом.

Он всё ещё помнил то ощущение.

Тот беспорядочно водил рукой по его животу — в этом не было ни намёка на технику или соблазнение, просто хаотичные прикосновения. Но Цзинь Яо тогда почувствовал, как у него перехватило горло.

Руки маленького глупца были как кошачьи лапки — мягкие и нежные, но, в отличие от пухлых подушечек, его ладони были тонкими и изящными. Они оставляли на его животе тёплый, щекочущий след.

<http://bllate.org/book/15361/1372899>